

I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЯЗЫКА

УДК 81-13

О ЯЗЫКОВЫХ ТЕХНИКАХ АДАПТАЦИИ МНЕНИЯ*

В.З. Демьянков

Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

vdemiank@mail.ru

Предметом когнитивной адаптации к контексту являются, среди прочего, две составляющие дискурса: а) форма и содержание текста, в частности, употребление «хеджинга», и б) лежащий за дискурсом «маркетинг» идей на поле установок, бытующих в культуре. Этот маркетинг допускает интеллектуальные майевтические провокации и варьирование «биржевого курса мнений», в частности, соотношения веса представлений о физической возможности и о вероятности. В латинском, в современных западноевропейских и в русском корпусах физическая «возможность» (рефлексы и/или эквиваленты латинского *possibilis*) упоминается значительно чаще, чем «вероятность с человеческим лицом» (*probabilis*).

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, адаптация дискурса, возможность vs. вероятность, корпусная лингвистика, майевтический диалог, анализ мнений в СМИ, контрастивный анализ русского и западноевропейских языков.

Для цитирования: Демьянков В.З. О языковых техниках адаптации мнения // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 5-17.

DOI: 10.20916/1812-3228-2020-4-5-17

1. Введение

Язык, как заметил Ф. Ницше в базельских лекциях (1874 г.), передает и несомненные знания, и предположения [Ballweg 1987: 27], а среди «когниций» попадают знания и с невыясненным источником, и с туманным истинностным статусом.

Но есть ли вообще истинные знания, где они, как их распознать? Дорастает ли мнение хоть когда-нибудь до высокого предиката *знать*? И если да, то как, при каких условиях и зачем? На эти вопросы пока нет ответа. Как и на детский вопрос, эквивалентно ли Петино знание/мнение, что дважды два четыре, Васиному знанию/мнению, даже если у них одинаковые школьные отметки по математике. Знания у разных людей подобны мировым валютам, соотносительная стоимость которых на «рынке» идей подвержена колебаниям. Недаром когнитивисты

используют понятие когниции как своеобразной наднациональной криптовалюты. Но эта аналогия далека от совершенства. Так, «обмен мнениями» не регулируется «покупательной способностью» и текущим биржевым курсом суждений: в пункте обмена мнениями, но не валютами и не валют, только показав свои 80 рублей, вы получаете 1 доллар, не отдавая взамен своей старой банкноты. Зато у вас никогда не бывает два экземпляра одного и того же мнения. Нельзя также подумывать чужое мнение: от него можно просто отказаться, но не отдать назад за ненадобностью.

Рассмотрим два взаимосвязанных вида техник адаптации мнений и знаний к контексту: хеджинг (*hedging*) приблизительности, – русифицированное *хеджение*, почти как *хождение* (за три моря киселя хлебать, со своим мнением об этом киселе в кармане) в связи со стилями сообщения, – и диалогическое продвижение (маркетинг) мнений.

2. Легитимные стили сообщения

Даже под полным гипнозом не все подуманное и сказанное усваивается намертво: мани-

* Исследование, описанное в разделе 4, выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН. Разделы 2 и 3 данного исследования выполнены за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания

пулятор должен потрудиться, подбираясь и к долговременным знаниям, и к мимолетным мнениям. Да и жертвы его, поднимая когнитивные руки, в душе партизанят под знаменем родной правды-матки против идеологических оккупантов, подрывая столпы конъюнктурной мудрости. Так, юристы советуют, если справедливость восторжествовала, подавать на апелляцию, а решение Страшного суда обжаловать в Страшном апелляционном суде, сделав правду для правого страшной правдой.

Адаптации крика научной души к обстоятельствам его артикулирования и «опубликования» способствует стиль коммуникации. Не все стили легитимны: отчаянная ложь наказуема, – но всех ли это останавливает? Вводят в заблуждение, даже и не солгав. Одно из фундаментальных «распутий»: отвечать за слова, в том числе, и за обидные – или спрятаться за широкие презумпции авторитета. *Я первый, я открыл!* (Грибоедов А.С. Горе от ума) – это и честолюбивое вступление в авторские права, и принятие на себя авторской ответственности за неблагопристойность, за разглашение и/или недостоверность информации. Опасно быть безвольным отцом «объективной» истины с ее тяжелой рукой... И мужу ее не позавидуешь.

Отважно вызывая огонь на себя, употребляют «предикаты субъективного мнения» (opinion verbs), типа: *быть уверенным, что...*, *представлять себе так-то, быть убежденным в том-то* (соотв., *be certain about, have an idea about, be convinced about*), см. [Karttunen, Karttunen 1977: 6]. Этим предупреждают: «Так думает этот вот субъект, руками не трогать – или будешь иметь с ним дело!». Но неприкасаемость мнения – еще не достоверность.

А «сдают» мнение, объявив его «чуточку не своим», ср.: *возможно, вероятно, вряд ли, наверняка*. Это позволяет честные информационные удочки смотать, взвалив неправоту на недобросовестных поставщиков или экспедиторов сведений: во время пути сенсация могла подрасти. Мнительный же (как в известном анекдоте) и на ошейнике своего питомца напишет: «Политические воззрения улетевшего от меня попугая не разделяю». Такие «загородки», или «хеджи» (hedges) вносят нечеткость (fuzziness) [Lakoff 1972: 195] и смятение в интерпретаторские чувства.

Промежуточный вариант – «прозрачный самоотвод» в третьем лице: «Как сказал один старый, но все еще мудрый выпускник кулинарного колледжа, грязные носки не съедобны». Кому надо, поймет, кто именно, насколько, в чем, почему

и почему мудр. А также что кому будет, если возразить.

Снижая категоричность, загородки свидетельствуют о почтении и к «чистой» истине, и к возможным держателям мнения; дают они возможность и проявить оригинальность [Prince 1978: 903], затушевывать оценочную установку (стабильную или эфемерную) к высказываемому [Markkanen, Schröder 1992: 121-122]. Высказывая «ударное» суждение, манипуляторы-диверсанты выбирают колонну погилее, а адресата посонливее: такой не привередлив и не так опасен для репутационной прически. Наконец, важен температурный режим: жаркое обсуждение убивает одни бактерии вредных сведений, но способствует размножению других.

Бывает ли мнение весомым, если неизвестно, чье оно и кто его родил? Не будем торопиться, утверждая, что не бывает: «Ибо со смертью людей не погибают также и их мнения, им, может быть, только не достает [того] сияния, [которое исходило от их] авторов» [Цицерон 1985: 63]. Яркую и «породистую» идею удочеряют («адоптируют», через *о*) легко, если хотя бы по глазам можно вычислить, от кого она: «*А может быть, и генеральская...*» – *думает вслух городской.* – «*На морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видели*» (Чехов А.П. Хамелеон). Так, мысль, что *путешествие начинается с одного шага* верна «по определению». А с добавлением усиления *в тысячу ли* и с солидной иностранной родословной «внушает» в тысячу раз сильнее: *Путешествие в тысячу ли начинается с одного шага, как гласит китайская пословица*. К бродячим же мнениям-дворянкам доверия меньше, интимный контакт с ними «через укус» опасен для здоровья.

Потому-то беспризорность мнения не выставляют напоказ. Например, героиня одной поэмы [...] *для бледности уксус тила / – все равно оставалась кубышкой, / все равно краснощекой была* (Евтушенко Евг. Братская ГЭС), явно не по совету из передачи «Здорово жить». То же и в политической прессе, пристраивающей свой «самострок» кому-нибудь поосанистей. Так, под заголовком «Почему Германия предложила распустить НАТО» встречаем преждевременно радостную для пацифистов репликацию: «Депутат Бундестага Александр Ной считает, что Германии необходимо выйти из Североатлантического альянса, а сам НАТО – распустить» (URL: https://baltnews.ee/tallinn_news/20190405/1017561372/germania-raspustit-nato.html). Эта ласточка общественного на-

строения – еще не вся Германия, а отдельно взятый, правда, немецкий, депутат. Задумайся же агент «чуждого влияния» над тем, какая бабка что ему шепчет, так, может, и огорчений бы не было.

Поэтому приписывать источник мнению, сшито на заказ, надо уметь. Если с фантазией туго – сошлись на Александра Македонского или Суворова, да хоть и на Бисмарка! Когда «приписной автор» вызывает онемение всех возражательных органов и утрату отрицательных частиц, можно любую рядовую мысль возвести в ранг прапорщика: «Как говорили древние зулусы, айн унд цванцих, фир унд зибцих, что в переводе означает: ученые – свет, а неученых – тьма» (Масс В., Червинский М. Любовь и три апельсина). Эта цитата из репертуара несравненного Арк. Райкина проложила, как таран, путь высказываниям-джокерам даже с откровенно фиктивным источником, напр.: «Айн унд цванцих, фир унд зибцих, услуги ЖКХ с августа подорожают, как мне вчера бабушка надвое сказала».

«Хеджинг» – техника адаптации мнения, повышающая пропозициональную («фактическую») и эмоциональную («пропозиционально-установочную») ратифицируемость высказывания [Hübler 1983: 23], его приручаемость и толерантное восприятие. Адаптированное убеждение позволяет достичь «трансгрессии понимания» (Transgression des Verstenens) [Wolski 1980: 191], преодолев порог несовместимости с резидентными мнениями реципиента и давая ему возможность эмпатизировать налево и направо.

Умеренное лукавство опирается на традицию, в которой глашатай-трибун и его фанаты вместе выросли: в общественной жизни – на здравый смысл в конкретно-культурном исполнении, в научной – на наднациональную доказательную, догматическую и/или популяризаторскую традицию. Кое-где невинный комплимент «на вырост» обличают как ложь, а в других культурах без такого гостинца, как без «мороженого детям», хоть и на порог не являйся; именно в таких мыслима практическая разработка комплимента: «У меня красивая шея? К ней очень подойдет вон то бриллиантовое кольцо. Нет, не то, рядом, оно хоть и дороже, но подчеркивает мою природную красоту». Или бюджетный вариант попроще, в русском фольклоре про любовь: «А вы меня в кино сводите, коль я вам по сердцу пришлась».

Разносная критика с колес бронепоезда эффективна, когда агрессивно-легковерной толпе элементарно хочется перемен: если хлеба полно, а на пирожные и глядеть не охота, так дайте же,

гады, зрелищ! Или мы их здесь вам сами понаустраиваем!

Выбор стиля может предопределить победу или провал критики. Тектонические подвижки в самой традиции (пере)убеждения ведут к «ломке в обществе», как, например, во время «Оттепели», а особенно в конце «Гласности», когда снимали всякие табу с обсуждения недавнего прошлого нашей страны. Или когда американцев бросило на колени каяться за расистские грехи даже тех предков, которые во времена рабовладельческого разгула безгрешно жили себе в далекой европейской Жмеринке и не трогали никого. Детсадовское единомыслие с коклюшем и ветрянкой не проходит. Казалось бы, своих мнений целая кубышка квасится без дела, зачем подписываться под чужими, да еще не читая? Это как на соседском огороде пощипать огурцы, которых дома девать некуда. Но на то он и рынок. Рынок идей. Диверсификация. Ассортимент. Прайслист. Не зевай, Фомка, на то и ярмарка.

В научном же быту различают «тевтонский» и «саксонский» стили как два полюса, между которыми лежит масса промежуточных.

Для типового **тевтонского стиля** характерны поучающие монологически-взвешенные формулировки, минимум самопоправок-регрессий, второстепенные сведения [Galtung 1985] «для справки, про запас», ср. [Clyne 1991]. Такая Detailverliebtheit («влюбленность в детали») создает ощущение «надличности», доскональности, «объективности» под честное слово всезнающего пуританина, и к своему-то строгого, но «вовсю справедливого» к чужому дискурсу: *Мне не смешно, когда маляр негодный / Мне пачкает Мадонну Рафаэля, / Мне не смешно, когда фигляр презренный / Пародией бесчестит Алигьери* (Пушкин А.С. Моцарт и Сальери).

А при типовом **саксонском** (или «англо-саксонском») **стиле** главное – читабельность, легкая воспринимаемость речи. Отсюда прямолинейность логических переходов, отсутствие риторических колоратур высокого полета (характерных для тевтонской романтики), повторы, самодостаточность текста, картинные разочарования, самоопровержения «на людях» («Ой, что это я?») и ажурные «мостики» – знаменитые в американском исполнении «топикализирующие» оповещения о переходе к каждой следующей микротеме, ср. [Clyne 1991: 50]. При таком стиле натуральная истина по-шерлок-холмсовски эмерджентна, а самоирония обязательна: напускная некомпетентность смотрится как маска мудреца, обвинять

в недостаточной проницательности столь же неуместно, что и смеяться над нехрупкостью борца сумо. А на врату «детектива» не виснут обвинения в неполной профпригодности: «товарищ» пока еще «не в теме», но честно предлагает всем вместе «полететь на небо» и там, на месте, выяснить истину. Такой нежеманный стриптиз ума обнажит целлюлит в самом строгом рассуждении там, где «тевтонец» примется учить вас законам, которые и сам-то недавно открыл.

Тевтонский стиль «стремит» нас к завершенной несамопротиворечивости. Дидакт-тевтоноид сух и строг, но это не всегда спасает: Г. Фреге пал невольником тевтонской чести, отказывающей мудрецу в праве на ошибку, и перестал творить после того, как ему указали на пустяковый логический недочет в его труде.

При саксонском же стиле, имитирующем импровизацию далекую от величавой точности, встречаются и маленькие шедевры с *но* в качестве частицы самовозражения: *I haven't thought this out very well yet, but* – «я (еще) этого очень хорошо не продумал, но...», *This may just be my own intuition, but* – «возможно, это мой домысел, но...», *My mind isn't working very well today, but* – «сегодня я туго соображаю, но...», *I think I'm totally wrong on this, but* – «думаю, я абсолютно неправ в этом пункте, но...», *I may be missing the point, but* – «возможно, скажу нехватаю, но...» [Baker 1975: 39]. Даже если это прощепетать не по-английски, а по-немецки или по-русски, видно, что ворота и собака при них не от той фазенды. Похожую присказку приписывают Л.В. Щербе: «По моему, впрочем, ничем не обоснованному мнению...».

Под этот же стиль, как признание в любви под танго и розовое вино под птицу, хорошо идет задумчиво-таинственный призыв к аудитории самой заметить и продолжить аналогию: *kind of, sort of* «как бы», *somehow* «некоторым образом», *and so on* «и так далее», *more or less* «более или менее» и т.п. [House, Kasper 1981: 158]. В знаменитом фильме Э. Рязанова реплика «сама, сама...» вызвана спешкой героев. А при чтении научных сочинений лоб расшибет не тот, кто дал вам это задание, а его усердный адресат. Так, *Women, Fire, and Dangerous Things* безнаказанно категоризирует женщин как опасность (феминисты всех стран, где вы? ау!), но Дж. Лакоффа в нашей интерпретативной травме обвинять нельзя: автор нечаянно уронил банановую шкурку. Насколько же мудр девиз Ордена подвязки: *Honi soit qui mal у pense* «Пусть стыдно будет тому, кто плохо об этом подумает!».

Из-за смягчителей, снижающих *degree of commitment* («степень сопричастности») к мнению [Dascal et al. 1981: 59], мы великодушно прощаем и мелкие проскоки, и крупные пролеты над лежбищем правды. Апеллируя к «метаязыковому» уровню толкования [Кай 1984: 157], такое «ухаживание» указывает, решительно ли надо брать слова за лексические рога. Ср.: *John is sort of a bachelor, but technically he's married* «Джон как бы холостяк, но в узко-техническом смысле он женат» [Shenaut 1975: 499]. И достойны ли слова милых замысловатых рогов.

В саксонском стиле научной речи предложение с «загородочным предисловием» убивает сразу двух зайцев. Так, *Loosely speaking, John is married* утверждает, что Джон женат, но предостерегает от ненадежности буквального понимания предиката *женат*, ср. [Кай 1983: 132]. Т.е., как и немецкие *sozusagen* «так сказать» и *gewissermaßen* «в некоторой степени» [Grabski 1988: 7], смягчает и скривляет прямоту.

Стиль воздействия – один из параметров адекватности дискурса, каким бы неуправляемо-креативным он ни был. Тевтонское исполнение там, где привыкли к саксонщине, столь жесомнительно, что и «саксонья» интерпретация в аудитории с «тевтоньими» рогами.

3. Маркетинг мнений: майевтический диалог и креативные СМИ

Древним приемом проникнуть в суть вещей и привить мнение о ней является майевтика, связываемая с именами Сократа и Платона: оккупационные коммуникативные приемы, сбывающиеся адресату, с его конкретным опытом и мировоззрением, «предзнание» конкретных проблем. Хотя все энциклопедии пишут, что это метод извлекать скрытое в каждом из нас предзнание с помощью наводящих вопросов, и такой подход наминает действия повивальной бабки, дирижирующей движениями роженицы. Это способ направить разыскание-беседу в нужное русло, вовремя задав наводящий, заводящий и/или уводящий вопрос, в восторженном ужасе увернуться от открывшейся правды; если потребуется – упасть в эпистемический обморок или забиться в таком же экстазе. В меньшей степени майевтическое родовспоможение и продвижение мнений можно назвать маркетингом. Что-то вроде пиццерии, в которой продукцию производят в присутствии, из сырья и при помешивающем участии едока. Словом, детская кофточка из шерсти родителей.

В диалоге «Федр» Платон замечает, что задача речи – воздействовать на душу, ср. [Johnson 1991: 4]. Если знание, – состояние ментальности, вербально не выразимое (в отличие от суждения как явления речи) [Sayge 1995: 231], – устоит под градом сомнений, оно граничит с мудростью [Moline 1981: 29], что посильнее неотягощенной осведомленности «Знатоков» из телевикторины. При необходимости, не помешает немного соли, перца и горчицы, когда для рождения правды «чего-то не хватает»: в интересном положении желания так причудливы!

Форма диалога затрудняет для «стороннего читателя» прямое постижение мыслей философа: обсосанные косточки, бросаемые в кувшин для знаний, не окончательны, по следам от зубов мудрости не всегда видно, как мыслитель прокрался к своим истинам. Это создает дискуссионную репутацию путаников, которые не могут или не хотят выразиться прямо [Gill, McCabe 1996: 1].

Майевтический диалог как инструмент межсубъективного, в частности, и педагогического воздействия [Clark 1992: 18], обладает и спецификой [Hanke 1991: 50-55]: он диадичен, а по обсуждаемой проблеме собеседники должны иметь «приданое» – предварительные сведения.

Главными в диадичном общении являются два участника. Роль остальных, если они есть, второстепенна, орнаментальна и мимолетна. В платоновских диалогах Сократ-«эйрон» задает наивные вопросы с сомнительной презумпцией, но в итоге всегда бывает прав [O'Connor 1986: 108]. В этом жанровое сходство с шахматными задачами, в которых белые, а не черные начинают и мат дают в два или три хода. А вот в книгах о Шерлоке Холмсе, написанных от лица доктора Ватсона (фактического эйрона), всегда прав Холмс – детектив, курящий, скрипач и не эйрон. Реплики же миссис Хадсон в немайевтических фильмах про Шерлока Холмса – как улыбка чеширского кота.

Оба участника приходят на обсуждение не с пустыми руками, а с запасом своего опыта, сомнений, ожиданий и предвзятостей. Фактически это пикник-складчина. Майевтическое общение с полной, мягко выражаясь, *tabula rasa*, по определению, исключено: в этом разница с обучением у некоторых педагогов: «Дети, а ну-ка быстро-быстро забудьте все, чему вас учили в школе по математике!» Разбору интеллектуального «приданого» и посвящен такой диалог. Читатель же – как бдительный психотерапевт, следящий и за смыслом, и за тем, в какой момент что сказано и како-

вы личные мотивы этого, см. [Lloyd 1996: 3]. И особенно, каковы ожидания, возникающие и пропадающие при такой беседе.

Ожидания предопределяют и восприятие сообщений СМИ. Так, 25 июня 2020 г., обреченно ожидая новостей о пошатнувшемся здоровье побывавших у нас гостей, на «Ремблере» видим: «Лукашенко сделал заявление о состоянии сына». Первое истолкование взволновало тех, кто по-матерински предчувствовал, что Лукашенко-младший заболел-таки: при эпидемии жди болезней, это народная примета. Подбежав же к самому сообщению, все увидели заголовок «Жуткий фейк» и облегченно вздохнули, прочитав: «Лукашенко о миллионах своего сына. Президент Белоруссии Александр Лукашенко назвал «жуткими фейками» информацию о наличии у его сына Виктора многомиллионных счетов в швейцарском банке» (URL: <https://finance.rambler.ru/money/44405861>). Из двух зол – болезнь и нечестно нажитые средства, да еще и не у того сына, – меньше второе. На такую консенсусную реакцию и рассчитывал режиссер фейкового карнавала. Слава Богу, ложки опять нашлись.

Суждения, по Платону, «вспоминаются», когда подручные объяснения никуда не годятся; они заложены в подсознательном опыте, см. [Scott 1995: 8]. Аристотель уточняет: они «считываются» с метафорической восковой таблички [Freudenfeld 1996: 13], подобно тому, как проделывались и учитывались дырочки в перфолентах и перфокартах первых вычислительных машин.

В эпистемическое приданое входят как фоновые бытовые знания и предварительное мнение по ключевому вопросу, так и предположения о том, что в этом хозяйстве несомненно, а что «у нас принято думать», что точно известно, а чего и знать-то невозможно, ср. [Lehrer 1990: 2]. Без этого немислимо и удивление, «атопон», кратковременный ступор недоумения, с которого философствование начинается [Gadamer 1986: 185].

Удивляет, пугает и разочаровывает сообщение, «тело» которого прямо противоречит анонсу. Так, на «Рамблере» 26 июня 2020 г. под заголовком «ЕС принял решение по открытию границ с Россией» находим весть: «Границы Европейского союза (ЕС) не откроются для граждан России с 1 июля. Об этом собеседник в делегации одного из государств Евросоюза сообщил ТАСС» (URL: <https://news.rambler.ru/world/44409719>). Вот тебе и на!

Параметры майевтического диалога больше свойственны научному общению в свободное от преподавания время [Hanke 1991: 50-55]: типовая (не «экспериментальная», не «зумная») университетская

лекция менее диалогична. Выяснение истины в классе – игровой вариант серьезной операции на живом мозге: «Скальпель, тампон, спирт...» (далее – по вкусу). А главная цель майевтики – не (пере)убеждение (платоновская риторика выше обычной риторики [Baumhauer 1986: 28], уговаривающей и убеждающей, см. [Plett 1996: 9]), – а (взаимо)понимание. «Поняли друг друга», – этой фразой Н.Д. Арутюнова ставила в деловой беседе точку или точку с запятой. «Все понял», – вежливо думает рассеянный читатель. «Непонятно, но экзамен не скоро», – думает студент.

Мысль Платона, что «сказать – значит подумать» (витгенштейновская «языковая игра» возрождает этот подход) позже вызвала сомнения у Аристотеля и у его последователей нашего времени [Vendler 1977: 29]. Однако платонец, у которого по временному состоянию души «что на уме, то и на языке», – придя в себя, станет перипатетиком и будет любить Аристотеля.

Дидактико-моральная подоплека просматривается в коммуникативной технике эйрона, готового притвориться незнайкой, чтобы заманить своего собеседника в логическую ловушку и защитить, от противного, справедливость неожиданного видения вещей, см. [Prang 1989: 1-2]. Когда же нетерпеливый собеседник восклицает: «С тобой трудно спорить!», тот отвечает: «Со мной спорить легко, а против правды не попрешь», см. [Bojadshieff 1995: 67].

Впрочем, кажущийся или напускной вздор имеет свои пределы, а собеседники следуют «джентльменским правилам» [Seeck 1997: 13], не набрасываясь яростно на небезукоризненно хеджированные высказывания. Суждения для них – «пометки», позволяющие установить, как далеко зашло совместное расследование, сколько еще осталось идти до цели и как – если что – вернуться назад. Мальчик-с-пальчик из сказки Ш. Перро не первый придумал метить камешками маршрут. Этот прием унаследован саксонским стилем, допускающим откат и отказ от скомпрометированного.

Исследователи античного наследия посвятили много веков таким языковым аспектам построения высказывания, как именование предметов, структура предложения-высказывания (ее называют по-латински – пропозицией), а также функция и значение копулы, отрицания, противопоставлений. Давно уже мы не судим строго хеджированность – приблизительность и неряшливость в употреблении антонимов, «градуируемых» прилагательных и вариантов слов, таящих отрицание, см. [Болдырев 2011]. Платоновская «диалектичность» отражается и на риторических

стратегиях [Golden 1984: 32]: на смысле и структуре вопроса, ответа и доводов, на «перекрестном допросе с пристрастием» и опровержении чужих, а потому чуждых «истин», а также на том, как кооперируются коммуниканты, заботливо причесывая друг другу мысли.

В такой «языковой игре» понятия знания и желания переплетены [Seung 1996: 23-24]. Для эгоцентриста желание – знание того, что хорошо (желанно) и что плохо (нежелательно) для тебя самого: вопреки мнению эксперта, «выходя из комнаты» (Бродский И. Не выходи из комнаты, не совершай ошибку...), поступаясь собственными интересами, он вредит себе, см. [Urmson 1978: 131]. Знание и формирует соответствующие желания, и формируется ими. Вот и бывает, что «если нельзя, но очень хочется, то можно»: в разгар пандемии по «многочисленной просьбе» одного желающего вдруг обнаруживается, что пик заболевания, чтобы не загубить экономику, мы ни с того ни с сего уже прошли, и пивной ларек открыть можно. А отрицательное мнение о качествах конкурента выдает желание занять его место. Отсюда же и соблазн объяснить как козни все, что противоречит желанно-ожидаемому.

От Платона через Августина к нам пришло убеждение, что избыток вещных благ – губительное следствие эгоизма [Lafond 1996: 7], и непредвзятости можно ожидать от пофигиста, которому на все наплевать. Следуя этому предположению, не хуже, чем аскет, у которого еще ничего нет, на роль непредвзятых арбитров годятся перекормленный сверхскромняга, у которого все уже есть и будет или который думает, что ему ничего не надо. Когда же «есть не все или есть нечего», прозрение, что другим еще хуже («А кому нынче легко?»), скрасит любую мировую скорбь и придаст объективности. Вот и стараются *to keep up with the Joneses*, чтобы не опуститься ниже плинтуса стандарта – Джонсов по соседству. Чтобы исправить этот парадокс, Аристотель и его последователи вычищают фактор желания из объяснения явлений природы и общества [Sorabji 1996: 330], отчего природа если и не полностью теряет свой человеческий облик, то тщательно его камуфлирует.

Неведение же – это и отсутствие знаний, и ложное знание, и заблуждение любой степени тяжести. А также сомнительные приоритеты и превратности судьбы: «скромнее стать в желаньях» можно и по возрасту, и после аварий на открытом шоссе личной жизни. А вот привычка к богатству, иногда призрачному и преходящему... Попробуйте!

Добродетель для Платона – знание того, что такое хорошо и что такое плохо, рядоположенное

благому деянию, ср. [Jordan 1987: 66], а отсюда вывод, что ошибочное (т.е. неправильное, ложное, дурное) деяние произвольно и проистекает от незнания. Ведь мир, как ослик, ведущийся за морковкой, «функционирует» лишь постольку, поскольку в нем есть «благо» [Seeck 1997: 149]. По этой причине и подозрительны софисты, посягающие на ценности: мишура не заменит утраченного жизненного смысла. Делая вид, будто эти ценности им чужды (как волки, отказывающиеся от мяса), люди впадают в противоречие несовместимое с жизнью. Иронический прием в таких рассуждениях чреват «гуманитарными» и логическими коллизиями: «лезть из кожи вон» – замечательный образ, в котором кожа и есть человеческая природа; *остаться без кожи* – физический, статусный (ср. *ободрать, как липку*, т.е. лишить средств к существованию, и *ни кожи, ни рожи*), а потому и грустный духовный финал.

«Диалоги» демонстрируют приемы постижения мира динамичного (по Платону, кажущегося и нереального, см. «Тимей») в его отношении к миру статичному, вечному и реальному [Frede 1996: 56]. Или, как учат историки философии [Windelband 1907: 96], соотнесение динамичного мира Гераклита со статичным миром Парменида.

4. Латинские истоки *возможного* и *вероятного* в современной цивилизации

Можно выделить два класса лексем «чутьочку неродного» мнения: «возможное» и «вероятное». В двуязычных словарях немецкое *möglich* «возможный, вероятный» соотносят с английским и французским *possible*, а *wahrscheinlich* «вероятный, правдоподобный» – с английскими *probable* и *likely* и с французскими *probable* и *vraisemblable*.

Корпуса языков, над которыми были проведены наблюдения (небольшая часть результатов описана в данном разделе), как и комплекс программ по их обработке, были созданы мною более 20 лет назад, но пополняются и адаптируются по

мере сил до последнего времени. Они не равноценны: латинский корпус, включая большую часть когда-либо оцифрованных текстов, по объему меньше, чем все остальные; французский и немецкий уступают английскому, а испанский и итальянский намного меньше французского. Материал других языков в данной статье не рассматривается. Поэтому выводы носят предварительный характер.

Как показано в работе [Демьянков 2021, в печати], представлены все логически допустимые сочетания русских основ *возмож-*, *вероят-* и *правдоподоб-* и их отрицательных вариантов в рамках одной синтагмы. Порядок их следования друг относительно друга в предложении создает эффект перемещения из одного возможного и/или реального мира в другой. Отрицания их (*невозможный*, *невероятный*) часто обладают значением суперлативности, см. [Демьянков 2020, в печати]: *невозможный*, *невероятный* и *неправдоподобный нос* и *ужас* обычно «слишком велики», а не «слишком малы».

Приведем абсолютные данные о частотности указанных единиц:

Исходный импульс для противопоставления возможного вероятному дает словоупотребление в латинском языке, рефлекс и/или переводные эквиваленты двух лексем которого широко употребляются в современных языках. Одна из них – *probabilis*, от *prob-* плюс суффикс *-abil-*. Глагол *probo* (*āvī, ātum, āre*) означал, по данным двуязычных словарей [Klotz 1874: 907-908]: 1) испытывать, пробовать, проверять, 2) одобрять, удовлетворяться, благоприятно отзываться, хвалить, 3) признавать, принимать, 4) рекомендовать, 5) ясно представлять, с очевидностью доказывать, см. также [Walde 1910: 613; ср. Ernout, Meillet 1951: 950; Georges 1951: 1932–1936]. Другая – *possibilis* (от *poss-*, как в *possum* «могу»), плюс суффикс *-ibilis*, ср. французский и английский *-ible / -able*), начинает активно употребляться в пост-классическую эпоху [Klotz 1874: 836, ср. Georges 1951: 1798-1799].

Таблица

Возможное и вероятное в непереводе

	Латынь	Франц.	Итал.	Испан.	Англ.	Нем.	Рус.
Возможное <i>possibilis</i>	4044	73283	15109	6125	423761	121567	758388
Вероятное <i>probabilis</i>	1403	24168	4493	1142	295357	35357	179395
Невозможн. <i>impossibilis</i>	3339	45848	6413	3220	155991	35249	216306
Невероятное <i>improbabilis</i>	51	619	207	97	11899	2830	55894

В латинском корпусе *possibil-* (4044 примера) частотней в 3 раза, чем *probabil-* (1403 примера). А отрицательная *impossibil-* (3551) доминирует, при 43 примерах у *improbabil-* / *inprobabil-*. Аналогичная картина в других языках, анализ которых здесь опускаю.

Все значения латинского *probabilis* связаны с ролью человека как главного погонщика вероятностей и знатока своих возможностей. Так, у М.Т. Цицерона (106 до н.э. – 46 до н.э.) оценка[...] *probabilis orator, iam vero etiam probatus, ex hac inopi ad ornandum, sed ad inveniendum expedita Hermaiorae disciplina* «[он] был оратором, **достойным похвалы**, успевшим даже завоевать признание, он вышел из школы Гермагора, хотя и скудной в украшении речи, но очень быстрой в нахождении» (Cicero M.T. Brutus, пер. по [Цицерон 1972]) относится к профессиональной репутации оратора. В контексте же *Illa vero cur eveniant, quis probabiliter dixerit?* «Но кто **достоверно объяснит**, почему происходит следующее?» (Cicero M.T. De Divinatione, пер. М.И. Рижского) в фокусе внимания доходчивость объяснения.

Правдоподобие, сходство с привычным имеется в виду в другом раннем употреблении этой же лексемы: *Multo est probabilis: “non est autem divinatio; non sunt ergo di”* «Гораздо больше **походит на правду**: “а ведь нет же дивинации, значит, нет и богов”» (Cicero M.T. De Divinatione, пер. М.И. Рижского). Но сема «одобрение» по-прежнему жива и глубоко дышит в трудах Фомы Аквинского (1225–1274), напр.: *Praeterea, sicut se habet vis affectiva ad probabile et reprobabile, ita se habet vis cognitiva ad probabile et improbabile* «Кроме того, как в аффективной сфере [«силе» в оригинале] бывает **одобряемое** и **осуждаемое**, так и в сфере познания есть **вероятное** и **невероятное**» (Aquinas S. Th. Quaestiones disputatae de veritate). Ср. дожившее до наших дней юридическое понятие *vis probandi* «доказательная сила» (сила, которую следует применять в процессе одобрения и/или отвергания доводов), синтаксически оформленное так же, как и название овидиевского «учебного пособия» *Ars amandi* «Искусство любви» (ближе к оригиналу, но нудно «искусство, которое следует применять в процедурах любви»).

В одном из самых ранних упоминаний термин *possibilis* как «возможное» противопоставляется необходимости; так, у Квинтилиана (35 н. э. – 100 н. э.): *Itaque mihi ne consilium quidem videtur ubi necessitas est, non magis quam ubi constat quid*

fieri non posse: omnis enim deliberatio de dubiis est. Melius igitur qui tertiam partem duxerunt dynaton, quod nostri “possibile” nominant: quae ut dura videatur appellatio, tamen sola est «Итак, уже нет места совету, где есть необходимая нужда, так как и там, где чего иначе сделать невозможно. Ибо советуемся обыкновенно о чем-нибудь сомнительном. Итак, я соглашаюсь лучше с теми, кои вместо нужного полагают **ВОЗМОЖНОЕ**» (Quintilianus M.F. Institutio Oratoria Libri I-XII. Пер. по [Квинтилиан 1834]). Это противопоставление унаследовано модальной логикой с операторами *возможно* и *необходимо*.

Однако затем, как часто происходит в угаре моды, из учтивости называемой «ветром перемен» и «духом времени», частотность единицы с физикалистской, «нечеловеческой» семантикой резко рванула вперед, опередив основу *probabil-*. Вот этот вектор и унаследовали рефлексы в «новых» языках: *possibilis* переносит нас в сферу надчеловеческую, а *probabilis* – человеческая оценка человеческих же способностей. Так, у Блаженного Августина Аврелия (354–430): *Quae impossibilia sunt apud homines possibilis sunt apud Deum* «Что невозможно (считается) у/для людей, возможно для/у Бога» (S. Aurelius Augustinus, Quaestionum Evangeliorum Libri Duo). Эта истина неоднократно повторяется в других его сочинениях, комбинируя лексикографическое разъяснение с теологическим.

Указанные лексемы тщательно разграничиваются, что имеет важные философские последствия [Джохадзе, Стяжкин 1981: 109]. Контекстов, в которых встречаются одновременно обе основы, меньше, чем в более поздние эпохи. Одним из наиболее ранних был философ и епископ Св. Исидор Гиспальский (560–636): *Item aliqui doctorum Philosophiam in nomine et partibus suis ita definierunt: Philosophia est divinarum humanarumque rerum, in quantum homini possibile est, probabilis scientia* (Isidorus Hispalensis, Etymologiarum sive originum libri 20). Философия в этой концепции – знание (наука) о доступном человеку (*probabilis scientia*), когда на возможность смотрят нечеловеческими глазами. О таком же сочетании перспектив – возможном (*possibile*) и человеческой оценке предела своих когниций – прочитаем позже у Св. Фомы Аквинского: *Ostensus enim est supra quod in moventibus et motis non est possibile in infinitum procedere, sed oportet mobilia omnia reducere, ut probabile est, in unum primum movens seipsum* (Aquinas S. Th. Summa contra Gentiles). У него же находим, хоть и нечасто, мысли о сочетаемо-

сти идей невозможности и вероятности: *Habet tamen et hoc dictum aliquam veritatem: nam impossibile est quod probabiliter dicitur, secundum totum esse falsum* (Aquinas S. Th. Summa contra Gentiles).

В рамках одного предложения не сочетается *improbabilis* с *possibilis* и/или *impossibilis*. Складывается такое впечатление, что для эгоцентричного носителя латинского языка если что-либо нельзя помыслить (*improbabilis*), то не играет роли, возможно оно или невозможно. В наследниках латыни, романских языках, как в германских и в русском, нет ограничения сочетаемости (не)возможного с (не)вероятным.

Итак, человек сурового латиноязычного Средневековья махнул рукой на всеислие своей воли во «внешнем» мире, а в 19–20 вв., после уроков З. Фрейда, и в своем внутреннем. В нелатиноязычной традиции «субъективное» правдоподобие издавна также противопоставлено «надсубъективной» возможности. Так, по А. Мейнонгу (1853–1920), категория «*Wahrscheinlichkeit* (вероятность) в широком смысле», или *Vermutungswahrscheinlichkeit* («предположительная вероятность»), т.е., «вероятность, правдоподобие» (по внутренней форме эти русские термины близки к немецкому *wahrscheinlich*), относится к сфере внутри субъекта, а «*Möglichkeit*» как «*Wahrscheinlichkeit* в узком смысле, или *vermutungsfreie Wahrscheinlichkeit*, вероятность без предположительности» – к межсубъективности [Meinong 1915: 710]. Вероятность – «проблемность», необходимость человеческого вмешательства (ср. термин косметологов *проблемная кожа*), противопоставляемая онтологической (надчеловеческой) «потенциальности», ср.: «[...] назначение показателей эпистемической возможности чисто коммуникативное – формулировать речевой акт гадательного предположения, или гипотезы» [Булыгина, Шмелев 1997: 228].

Эти два типа не укладываются в противопоставление грамматических времен. Так, не совсем верно, что о прошлом мы думаем как о фактах в терминах истинности, а о будущем – как о возможности, внеположенной истине, ср. [Givón 1973: 924]. Ведь о прошлом мы можем судить и начитавшись детективов и полемики об истинных причинах Второй мировой войны, в терминах «морального правдоподобия» и «революционной целесообразности», а «возможности» рассматривать как пристрастные версии такого расследования, создаваемые на злобу дня. В будущем же «возможно» все, да не всякое вероятное лыко вплетается в сегодняшнюю строку. Ср. знамени-

тые афоризмы немецкого кабареиста Карла Валентина (1882–1948): *Früher war selbst die Zukunft besser* «Раньше само будущее было лучше» и *Heute ist die gute, alte Zeit von morgen* «Сегодня – это доброе старое время для завтра». Памятна и фраза из репертуара Аллы Пугачевой: *А мир устроен так, что все возможно в нем, но после ничего исправить нельзя* (Л. Дербенев).

То есть, антиутопический разбор полетов прошлого физически исключен, относится к категории *impossibilis*, но этически и/или в фантазии о машине времени не запрещен (*probabilis*).

Все можно поделаться в настоящем, а когда грянет будущее, ничего не поделаешь.

Чтобы не остаться без мнений сегодня и увидеть будущее, мудрецы советуют знать прошлое: *Nur wer die Vergangenheit kennt, hat eine Zukunft* (В. фон Гумбольдт, 1767–1835).

А внеисторичная математическая теория вероятностей (по-английски и по-немецки «вероятность» – в единственном числе *probability theory*, *Wahrscheinlichkeitstheorie*, а по-французски – во множественном *théorie des probabilités*) является компромиссной **человеческой** попыткой оценить правдоподобие будущих событий, одной частью тела прочно сидя «по уши» в прошлом, а другой «мониторя» мчащееся с дикой скоростью настоящее: «*La probabilità misura le possibilità potenziali servendosi dei metodi di induzione che le ricerche statistico-probabilistiche hanno consentito di individuare*» («Вероятность измеряет потенциальные возможности с помощью методов индукции, на которых обычно базируются статистико-вероятностные исследования») [Costantini 1985: 55]. Итальянское *le possibilità potenziali* в этой цитате тавтологично, как и русский эквивалент *потенциальные возможности*, и имеет в виду возможности физического мира. Грамматикализованные (т.е., не чисто лексические) разграничения, имеющие отношение к возможности и несомненности, традиционно рассматривают в описании залогов (потенциалиса vs. дубитатива vs. кондиционалиса и т. п.) и модальностей (в рамках противопоставления необходимости, возможности и т.п.), подробнее см. [Lyons 1977: 848].

5. Заключение

1. Добро и зло, желанная ложь и нелюбимая истина видны по употреблению предикатов знания и мнения, которые помечают шаги человека по Вселенной.

2. Хеджинг «неполного знания» *возможно* и *вероятно* («хеджение» за знанием) вызван и бо-

язнью порицания за неправду, и желанием вызвать сомнения, «смазать карту будня», смахнуть замечтавшуюся незыблимость. Более высокую частотность лексем физикалистского класса «возможно», чем класса «вероятно», в корпусах на русском и западноевропейских языках, заметную уже в латинском, естественно было бы объяснять как следствие осознания того, что человеку значительно меньше подчиняется внешний мир, чем человеческий образ этого мира. «Человек изгнан из рая», – говорят одни. «Он там никогда и не был», – говорят другие. «Рая нет», – говорят третьи. «Нет ничего», – вздыхает пессимист. Впрочем, к вентилю от вероятного у человека есть доступ, для того эта штуковина, созданная для людей, и существует. Метафоры, представляющие физически недоступное человеку как вечное, указывают на этот вентиль, который, однако, повернуть не всем под силу. А повернешь неумело – и вот у нашего мира что-то тихо хрустнуло, отвалилось и полетело вниз, а ты ломай теперь голову: эта катастрофа в метафорическом мире, в настоящем – или в обоих?

3. Во всех проанализированных оригинальных (непереводных) текстах на латинском, французском, итальянском, испанском, английском, немецком и русском языках возможное, не сговариваясь, упоминают более чем в два раза чаще, чем вероятное. Есть и различия, за которыми маячат расхождения в ментальностях. Так, речь о невозможном в полтора-два раза чаще речи о вероятном в романских языках, но не в германских и в русском. В английском невозможное, наоборот, в два раза реже вероятного, в немецком они примерно одинаково часты; а в русском невозможное фигурирует ненамного, но чаще, чем вероятное, хотя и не в той же мере, что в романских. Невозможное в романских и в немецком, но не в «мечтательных» английском и русском, находится на дне частотности. В английском же невероятное не сильно уступает невозможному (как если бы физическая нереальность у них была сблизена с субъективной), а в русском более чем вдвое чаще невозможного.

4. Во время вынужденного карантина кто-то переслушал все оперы в бесплатной интернетовской ретрансляции из Метрополитан-оперы, кто-то «в болдинской удаленке» понаписал массу статей и вот уже не может остановиться. Не удержалась и администраторская креативность, действуя, по всей (но не по своей) вероятности, по своим (но не по всем) возможностям.

Когда заболеваний коронавирусом было еще немного, раздались голоса, что через маски, могут пролезть полчища паразитов, не то что малюсенький вирус. Эти крики перебороли традиционное представление о пользе масок. Затем, когда заболеваемость медленно, но верно начала расти, те же скептики засомневались: «А кто его знает», «может» и «авось» (вопреки невероятному) «помогут, не повредят».

Под шепот ли этих «авось» или возмев совесть (теперь уже это все равно), вирус выполз на плато, и потеплело. Вероятность задышала полетному, ее повело, и как бабке в пушкинской «Сказке о рыбаке и рыбке», ей захотелось стать возможностью. И тут в маски вырядились все, кто, погарцевав без них, упал (заболел или потерял близких), отжался и, потирая бедро, дурить перестал. В это время донесся запах поспевающих снадобий от хвори, и мнение о вероятной бесполезности масок поперло вперед, массовыми демонстрациями отпихивая и топча «маскистов». Ведь все знают, что добро побеждает зло, а жизнь побеждает смерть, не так ли? Правда, не все знают, кто кого. Но возможность не обманешь. Послушаем старика Мерфи: «Даже если неприятность не может случиться, она случается». То есть, невероятное плохое возможно. Если уж должно произойти нечто плохое, оно-таки произойдет: вероятное плохое еще более возможно, чем вероятное хорошее.

Наблюдая паническую беготню, обыватель, подобно малышу из старого анекдота, негодует: «И эти люди еще будут запрещать мне в носу ковыряться!».

5. Адаптация мнения к когнитивному окружению включает выбор стандарта точности и манеры выяснения истины. Эти параметры определяют стили (в том числе, научного) рассуждения, из которых мы рассмотрели «тевтонский» и «саксонский».

Не ко всем стилям подходят определенные коммуникативные шаги. Так, *Мне кажется / возможно / вероятно, я должен объявить Вам войну* – шаг фокстротно-семенящий, не маршевый, не смотрится как серьезный политический акт. Ведь нешуточная агрессия, как военная команда и крики приматов, должна устрашать. Солиднее, когда она в теvтонской внесезонной униформе: старомодные эмблематичные щит, меч и шлем ее красят; ср. эпизод из отечественного фильма «Тот самый Мюнхгаузен», в котором глава государства возмущается: «Да вы что? Не знаете, что в одно-

бортном сейчас уже никто не воюет? Безобразия! Война у порога, а мы не готовы!».

А когнитивист, в научно-тевтонской ли он «самоудаленной» форме – или по-военно-саксонски в грозном трикини (бикини плюс противовирусная маска мудрой простоты) – всегда готов.

Список литературы / References

Болдырев Н.Н. Концептуализация функции отрицания как основа формирования категории // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1. С. 5-14. [Boldyrev N.N. Kontseptualizatsiya funktsii otritsaniya kak osnova formirovaniya kategorii // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2011. № 1. S. 5-14.]

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. [Bulygina T.V., Shmelev A.D. Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki). M.: Yazyki russkoy kul'tury, 1997.]

Демьянков В.З. Креативное отрицание вероятности и возможности // Язык, культура, творчество: мировые практики изучения. М.: Гнозис, 2020 (в печати). [Dem'yankov V.Z. Kreativnoe otritsanie veroyatnosti i vozmozhnosti // Yazyk, kul'tura, tvorchestvo: mirovye praktiki izucheniya. M.: Gnozis, 2020 (v pechati).]

Демьянков В.З. О двойных рубежах между мнениями и реальностями в русском дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. I (в печати). [Dem'yankov V.Z. O dvoynukh rubezhakh mezhdru mneniyami i real'nostyami v russkom diskurse // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2021. Vyp. I (v pechati).]

Джохадзе Д.В., Стяжкин Н.И. Введение в историю западно-европейской средневековой философии. Тбилиси: Ганатлеба, 1981. [Dzhokhadze D.V., Styazhkin N.I. Vvedenie v istoriyu zapadno-evropeyskoy srednevekovoy filosofii. Tbilisi: Ganatleba, 1981.]

Квинтилиан М.Ф. Двенадцать книг Риторических наставлений: Часть I / пер. А. Никольского. СПб.: Типография Императорской Российской Академии, 1834. [Kvintilian M.F. Dvenadtsat' knig Ritoricheskikh nastavleniy: Chast' I / per. A. Nikol'skogo. SPb.: Tipografiya Imperatorskoy Rossiyskoy Akademii, 1834.]

Цицерон М.Т. Брут / пер. и комм. И.П. Стрельниковой // Три трактата об ораторском искусстве / под ред. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1972. [Tsitseron M.T. Brut / per. i komm. I.P. Strel'nikovoy // Tri traktata ob oratorskom

iskusstve / pod red. M.L. Gasparova. M.: Nauka, 1972.]

Цицерон М.Т. О природе богов / пер. с лат. // Цицерон. Философские трактаты. М.: Наука, 1985. С. 60-190. [Tsitseron M.T. O prirode bogov / per. s lat. // Tsitseron. Filosofskie traktaty. M.: Nauka, 1985. S. 60-190.]

Baker Ch. This is just a first approximation, but ... // Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society. Chicago, 1975. Vol. 11. P. 37-47.

Ballweg O. Analytical rhetoric, semiotic and law // Law and Semiotics. Vol. 1 / R. Kvelson (ed.). N.Y.; London: Plenum, 1987. P. 25-33.

Baumhauer O.A. Die sophistische Rhetorik: Eine Theorie sprachlicher Kommunikation. Stuttgart: Metzler, 1986.

Bojadshieff Z. Die frühgriechische Philosophie als Phänomen der Kultur. Würzburg: Königshausen und Neumann, 1995.

Clark T. Derrida, Heidegger, Blanchot: Sources of Derrida's notion and practice of literature. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

Clyne M. The sociocultural dimension: The dilemma of the German-speaking scholar // Subject-oriented texts: Languages for special purposes and text theory. Berlin; N.Y.: Gruyter, 1991. P. 49-67.

Costantini D. Possibilità, possibilità potenziali e leggi // Scienza e filosofia: Saggi in onore di Ludovico Geymonat. Milano: Garzanti, 1985. P. 55-65.

Dascal M. Contextualism // Possibilities and limitations of pragmatics: Proceedings of the Conference on Pragmatics, Urbino, July 8-14, 1979. Amsterdam: Benjamins, 1981. P. 153-177.

Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine: Histoire des mots: 3me édition. Paris: Klincksieck, 1951.

Frede M. The philosophical economy of Plato's psychology: Rationality and common concepts in Timaeus // Rationality in Greek Thought. Oxford: Clarendon, 1996. P. 29-58.

Freudenfeld R. Gedächtniszeichen: Mnemologie in der deutschen und französischen Aufklärung. Tübingen: Narr, 1996.

Gadamer H.-G. Hermeneutik II: Wahrheit und Methode: Ergänzungen, Register. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1986.

Galtung J. Struktur, Kultur und intellektueller Stil // Das Fremde und das Eigene. München: Judicium, 1985. S. 151-193.

Georges K.E. Ausführliches Lateinisch-Deutsches Wörterbuch: Aus den Quellen Zusammengetragen und mit besonderer Bezugnahme auf Syn-

onymik und Antiquitäten unter Berücksichtigung der besten Hilfsmittel: 9. Aufl. Basel: Schwabe, 1951.

Gill Ch., McCabe M.M. Introduction // Form and argument in late Plato. Oxford: Clarendon, 1996. P. 1-4.

Givón T. The time-axis phenomenon // Language, 1973. Vol. 49. No. 4. P. 890-925.

Golden J.L. Plato revisited: A theory of discourse for all seasons // Essays on Classical Rhetoric and Modern Discourse. Carbondale; Edwardsville: Southern Illinois University Press, 1984. P. 16-36.

Grabski M. Gebrauchsanhörungen: Ein Ausdrucksmittel für die Störung semantischer Struktur. Tübingen: Niemeyer, 1988.

Hanke M. Maieutike techne: Zum Modell der sokratischen Gesprächstechnik // Verbale Interaktion: Studien zur Empirie und Methodologie der Pragmatik. Stuttgart: Metzler, 1991. S. 50-91.

House J., Kasper G. Politeness markers in English and German // Actes du 5e Congrès de / Proceedings of the 5th Congress of L'Association Internationale de Linguistique Appliquée. Montréal, août / August 1978. Québec: Université Laval, 1981. P. 150-178.

Hübler A. Understatements and hedges in English. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1984.

Johnson N. Nineteenth-century Rhetoric in North America. Carbondale; Edwardsville: Southern Illinois University Press, 1991.

Jordan J.N. Western philosophy: From antiquity to the Middle Ages. N.Y.: Macmillan, 1987.

Karttunen L., Karttunen F. The clitic *-kin / -kaan* in Finnish // Texas Linguistic Forum. Austin: University of Texas, 1976. Vol. 5. P. 89-118.

Kay P. Linguistic competence and folk theories of language: Two English hedges // Proceedings of Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley (California), 1983. Vol. 9. P. 128-137.

Kay P. The kind of / sort of construction // Proceedings of Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley (California), 1984. Vol. 10. P. 157-171.

Klotz R. Handwörterbuch der Lateinischen Sprache: 5. Auflage. Bd. 2. Braunschweig: Westermann, 1874.

Lafond J. L'homme et son image: Morales et littérature de Montaigne à Mandeville. Paris: Champion, 1996.

Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society. Chicago, 1972. Vol. 8. P. 183-228.

Lehrer K. Theory of Knowledge. London: Routledge, 1990.

Lloyd G.E.R. Aristotelian explorations. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Lyons J. Semantics. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1977.

Meinong A. Über Möglichkeit und Wahrscheinlichkeit: Beiträge zur Gegenstandstheorie und Erkenntnistheorie. Leipzig: A. Barth, 1915.

Markkanen R., Schröder H. Hedging and its linguistic realizations in German, English and Finnish philosophical texts: A case study // Fachsprachliche Miniaturen: Festschrift für Christer Laurén. Frankfurt am Main etc.: Lang, 1992. P. 121-130.

Moline J. Plato's Theory of Understanding. Madison (Wisconsin); London: The University of Wisconsin Press, 1981.

O'Connor W.V. Irony // The Princeton handbook of poetic terms / Premlington A. (ed.). Princeton (New Jersey): Princeton University Press, 1986. P. 108-110.

Plett H.F. Von deutscher Rhetorik // Die Aktualität der Rhetorik. München: Fink, 1996. S. 9-20.

Prang H. Die romantische Ironie. 3., unveränd. Aufl. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1989.

Prince E.F. A comparison of wh-clefts and clefts in discourse // Language, 1978. Vol. 54. No. 4. P. 883-906.

Sayre K.M. Plato's Literary Garden: How to Read a Platonic Dialogue. Notre Dame; London: University of Notre Dame Press, 1995.

Scott D. Recollection and Experience: Plato's Theory of Learning and Its Successors. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Seeck G.A. Nicht-Denkfehler und natürliche Sprache bei Platon: Gerechtigkeit und Frömmigkeit in Platons Protagoras. München: Beck, 1997.

Shenaut G. Valves plumbing the presuppositional depths (or what's a plug like you doing in a hole like this?) // Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society. Chicago, 1975. Vol. 11. P. 498-513.

Sorabji R. Rationality // Rationality in Greek thought. Oxford: Clarendon, 1996. P. 311-334.

Urmson J.O. The goals of action // Values and morals: Essays in honor of William Frankena, Charles Stevenson, and Richard Brandt. Dordrecht etc.: Reidel, 1978. P. 131-141.

Vendler Z. Wordless thoughts // Language and thought: Anthropological issues. The Hague; Paris: Mouton, 1977. P. 29-44.

Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch: 2., umgearbeitete Auflage. Heidelberg: Winter's Universitätsverlag, 1910.

Windelband W. Lehrbuch der Geschichte der Philosophie. – 4., durchges. Aufl. Tübingen: Mohr, 1907.

Wolski W. Schlechtbestimmtheit und Vagheit – Tendenzen und Perspektiven: Methodologische Untersuchungen zur Semantik. Tübingen: Niemeyer, 1980.

ON LINGUISTIC TECHNIQUES OF ADAPTING OPINIONS

V.Z. Demyankov

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

vdemiank@mail.ru

There are at least two cognitive dimensions of adapting discourses to human environment: (a) adapting the form and the content of discourses themselves as a sort of goods, so that they can successfully function on the market of competitive commodities, and (b) propagating opinions and attitudes of the target audience, propelling or reducing the activity of competitors. The latter kind consists in disseminating and/or in discrediting opinions.

Hedging of propositions belongs to the first dimension. Socratic dialogues are an instance of the second kind, when different ways of intellectual provocation help to explain certain philosophically relevant ideas. “Teutonic” and “Saxon” styles of scholarly interactions combine these dimensions, they may be looked upon as specific ways of influencing people in their cultural framework.

Hedges of ‘possibly’ vs. ‘probably’ types illustrate these linguistic techniques in West-European and in Russian discourses. Lexical properties of such hedges interact with grammatical and pragmatic categories of time and mood.

Key words: cognitive linguistics, discourse adaptation, probability vs. possibility, corpus analysis, Socratic dialogue, opinion analysis of mass-media, contrastive analysis of Russian and West-European languages.

Acknowledgments: The research presented in section 4 is financially supported by the Russian Scientific Foundation, project 19-18-00040 “Parametrization of linguistic creativity in discourse and language” at Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. The research presented in sections 2 and 3 is financially supported by the Russian Scientific Foundation, project 19-18-00429 “Language mechanisms of cultural system accommodation in various types of discourse of the 20th and 21st centuries” at Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Demyankov, V. Z. (2020). On linguistic techniques of adapting opinions. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 4, 5-17. (In Russ.).